

**Солнце, царь и икона:
топография тронного места Московской Руси**

*Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография,
источниковедение, методы исторических исследований».
№ 4, 2009. С. 178–193.*

Летом 1678 г. Москву посетил посольство Речи Посполитой, которое возглавляли князь Михаил Чарторыйский и волынский воевода Казимир Сапега; секретарём посольства был Иероним Комар. В составе посольства находился «дворецкий пана князя посла» Бернгард-Леопольд-Франциск Таннер. Он оставил описание этого путешествия, опубликованное отдельным изданием в Нюрнберге в 1689 г. (русский перевод книги, осуществлённый И. Ивакиным, увидел свет в 1891 г.). Послы въехали в русскую столицу 5/15 мая 1678 г., а 10/20 мая их принял царь Федор Алексеевич. Аудиенция проходила в Грановитой палате. Вот как об этом рассказывает сам Таннер: «Тут опять царедворцы высших чинов, в роскошных нарядах, по-прежнему повторили все титулы, сказанным уже порядком явились к услугам послов и по каменной, искусно построенной, украшенной четырьмя колоннами галерее, где стояли с пиками телохранители, одетые как швейцарцы в зелёную шёлковую одежду, привели к дверям великокняжеской палаты, где уже были опять три московских царедворца, ещё наряднее прежних; они сказанным уже образом пригласили в самую палату и, сами идя с прежними впереди, привели послов на место аудиенции. Это была обширная палата, коей свод посередине поддерживался колонной, которая и мешает поставить княжеский трон по середине, почему он и был поставлен предшественниками князя в стороне. Этот трон хотя и невелик, но драгоценен; состоит он из четырёх украшенных резными изображениями позолоченных колонн; верхняя часть похожа на кровлю или свод, кончаясь конусом, и замечательна как пышностью, так и ценностью. На вершине трона – орёл двуглавый, с коронами на обеих головах, да, кроме того, над этими коронами высилась по середине ещё третья; это княжеский герб, часто встречавшийся нам в иных местах во время путешествия по Московии на вершине башен и зданий. На этом троне высоко восседал великий князь Московский. Величие его, к удивлению присутствовавших, превосходило его возраст (ему было 18 лет); голову князя украшала блиставшая шапка, поверх коей была золотая, богато украшенная дорогими камнями и другими драгоценностями корона; в руках был княжеский скипетр. Кафтан (*tunica*), на который от чрезмерного блеска (я стоял близко) нельзя было пристально смотреть, был столь роскошен, что и после, при возвращении на посольское подворье, только и было разговору, что о нём. Верхнее одеяние (*paludamentum*), накинутое как мантия, так блистало алмазами и жемчужинами, что московского царя, красовавшегося в этом убранстве, называли убранным звёздами солнцем»¹.

Оставляя в стороне описание регалий и одеяния царя (так, под «верхним одеянием» (*paludamentum* – плащ полководца, символ военной власти), вероятно, следует понимать бармы, состоявшие из определённого числа медальонов и надевавшиеся на плечи, что, по всей видимости, и обусловило такую аналогию), обратимся к описанию трона. Прежде всего, Таннер указывает его местоположение, которое, очевидно, показалось ему непривычным. Дело в том, что в европейских дворцах трон правителя занимал центральное положение по отношению к стене, у которой он стоял. В Грановитой же палате, судя по описаниям, графическим и живописным изображениям XVII в. и сохранявшейся в дальнейшем традиции, тронное место располагалось у её восточной стены (вход в палату находился на западе), но не в середине, а ближе к юго-восточному

углу, между двух окон (всего в этой линии окон в восточной стене расположено четыре окна. Столько же окон имеют и северная, и южная стены; таким образом, общее число оконных проёмов большого размера составляет 12). Центральное пространство палаты занимал (и занимает ныне) столп, поддерживающий её своды. Таннер, пытаясь объяснить необычное расположение трона «в стороне», ближе к юго-восточному углу помещения, считает причиной этого факта именно наличие центрального столпа («колонны»), который и мешал поставить трон в середине. Такое, вполне рациональное объяснение кажется закономерным для европейца, но является ли оно верным с точки зрения русской реальности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, насколько расположение трона в Грановитой палате уникально для русской традиции, или же оно обнаруживает какие-либо параллели? Как вообще располагались троны в период Московской Руси, и что означало то или иное их местонахождение? Но вначале несколько слов о самой Грановитой палате. Как известно, она была построена в 1487–1491 гг. при Иване III итальянскими зодчими Марко Фрязиным и Пьетро Антонио Солари. В XVI в. она, по-видимому, ещё редко использовалась для посольских приёмов (в ней в основном проходили пиры), но в XVII в. её значение как зала для царских аудиенций возрастает². Название «Грановитая» применительно к палате известно лишь с середины XVI в.³ и обусловлено её внешним обликом, в котором заметны черты итальянской архитектуры эпохи Ренессанса (палата дошла до нас не в первоначальном виде; в частности, когда-то её увенчивала достаточно высокая четырёхскатная крыша). Но интересно, что организация внутреннего пространства палаты с центральным столпом в центре находится в русле традиций древнерусской архитектуры. Вот как описывает не сохранившуюся до наших дней трапезную Троице-Сергиева монастыря, построенную в 1469 г. известным зодчим Василием Дмитриевичем Ермолиным, сын антиохийского патриарха Макария Павел Алеппский, побывавший в Москве вместе с отцом в середине XVII в.: «Эта трапезная, как бы висячая, построена из камня и кирпича с затейливыми украшениями; посередине её один столб, вокруг которого расставлены на полках в виде лесенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки, как обыкновенно бывает в их столовых...»⁴. К постройкам подобного рода относится и Владычная палата в Новгородском кремле, к счастью, существующая и ныне. Она была возведена по распоряжению новгородского архиепископа Евфимия в 1433 г.: «а мастера делале немечкыи, из Заморья, с новгородскими масторы»⁵. Палата предназначалась для официальных приёмов и заседаний, здесь проходили собрания боярского Совета господ в последний период новгородской самостоятельности. Большой сводчатый зал палаты также имел столб в центре внутреннего пространства. Сам же архитектурный облик помещения выдержан в традициях средневекового зодчества Северной Европы: по словам М.К. Каргера, «если Грановитая палата Московского кремля, выстроенная несколько позднее итальянцем Марко Руффо, овеяна духом Возрождения, то новгородская палата – запоздалый памятник готики на Руси»⁶. Между тем, при всём отличии архитектурного убранства, общая композиция «приёмного зала» в обеих палатах, как в Грановитой, так и во Владычной, схожа. Она вообще, вероятно, была характерна для средневековой Руси. Так, Павел Алеппский отмечает, что «столовые в этой стране, которые называют палатами, бывают четырёхугольные с одним только столбом посередине, будет ли строение из камня или строганного дерева»⁷. По мнению исследователей, этот тип здания, вероятно, древнее XV в. «Неоднократно упоминаемые источниками гридницы (столовые палаты) Киева и Новгорода, по-видимому, послужили прототипами последующих трапезных палат монастырей»⁸. Как бы то ни было, внутренняя топография большого зала Грановитой палаты с центральным столпом имела корни в предшествующей русской архитектурной традиции. Недаром за новгородской Владычной палатой позднее также закрепилось название «Грановитая» – сходство архитектурного решения и «функциональной принадлежности» привело к «переносу» наименования. Важно подчеркнуть, что

московская Грановитая палата изначально, по-видимому, понималась именно как зал для пиров. Но если центральный столп Грановитой палаты не был для Руси необычным архитектурным явлением, то насколько необычным было угловое расположение царского трона?

Обратимся к сведениям о других тронных местах в Московском кремле. Ещё одно царское место (вероятно, второе по значимости) находилось в Средней (Середней) Золотой палате, строительство которой было завершено в 1508 г. Само название палаты, как уже неоднократно, со времён С.П. Бартенева, указывалось в историографии, скорее всего восходит к византийской Магнавре⁹ (хотя можно вспомнить недоумённое высказывание Р. Ченслора: «Я не вижу, однако, причин, почему бы ей так называться, ибо я видел много гораздо лучших, чем эта»¹⁰). Здесь также проходили многочисленные аудиенции. Тронное место Средней Золотой палаты располагалось аналогично тронному месту Грановитой – у юго-восточного её угла. В работе Майкла Флайера прекрасно показано, как организована фресковая живопись внутри сеней и самой палаты, в том числе и по отношению к расположению трона¹¹. Помимо этих двух палат, царские аудиенции проходили также поначалу (при Василии III) в Большой палате Набережных палат, обращённых фасадом на юг (т.е. к Москве-реке), а кроме того весьма часто при описании посольских приёмов упоминается и «Брусная или Столовая изба». Не вполне ясно, какое именно помещение обозначалось этим названием; по мнению С.С. Подъяпольского, так именовалась отдельная палата, располагавшаяся за Золотой¹². Не ясно, как она выглядела и внутри, но, судя по описанию литовского посольства 1556 г., царь сидел «недалеко от кута в избе, по левой стороне входячи до избы»¹³, т.е. опять-таки тронное место имело угловое расположение.

Итак, очевидно, что угловое положение тронного места в Грановитой палате объясняется скорее не центральным столпом, мешавшим поставить трон в центре стены, а общей традицией времён Московского царства, наблюдаемой сразу в нескольких случаях. Правда, существуют изобразительные источники, которые демонстрируют центральное расположение трона московских царей по отношению к стене (но не к пространству палаты в целом). Это рисунки, изображающие приём датских послов Иваном Грозным в Александровой слободе (1578 г., из книги Якоба Ульфельдта) и приём голштинских послов Михаилом Фёдоровичем в Золотой палате Кремля (1634 г., из книги Адама Олеария). Здесь троны располагаются в центре стены, а не в углу. Оба рисунка, очевидно, сделаны по описаниям. Поэтому остаётся вопрос, насколько эти изображения, применительно к локализации трона, точно передают русскую действительность, а не механически воспроизводят соответствующую европейскую традицию. В то же время, в этой связи примечательно сообщение Станислава Немоевского, побывавшего в 1606 г. у Лжедмитрия I и на официальном приёме в Грановитой палате, и в деревянных государевых покоях. Там, в частном пространстве царской резиденции, «посередине комнатки устроены четыре ступени квадратом, обитые красным сукном, на них небольшой трон, весь окованный золотом, крупными рубиновыми зёрнами и бирюзой густо высаженный, турецкой работы;... сидение на нём красного бархата, вышитое мелким жемчугом в виде чешуи»¹⁴. Так что угловое расположение трона было отнюдь не строго обязательным. Тем не менее именно его можно считать наиболее характерным, ведь и приём в Александровой слободе, и приём в покоях Лжедмитрия проходили вне традиционного официального церемониального пространства. Кроме того, на расположение тронного места Лжедмитрия могли оказать влияние и европейские традиции, многим из которых он следовал в придворном церемониале.

Чем же объясняется угловое расположение тронных мест? Очевидно, что оно не восходит к иностранным образцам. В византийской традиции, на которую, казалось бы, в данном случае могли опираться и соответствующие русские реалии, расположение трона было иным. В Магнавре (Магна Аура – «Великая Золотая» палата) – зале для официальных приёмов в комплексе императорского дворца в Константинополе – трон

находился в центре. Епископ Кремонский Лиутпранд, посещавший Византию во главе официальных посольств в 949 и 968 гг., так описывает трон византийских государей: «Перед императорским тронном стояло бронзовое, но позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы различных видов, тоже бронзовые с позолотой, певшие на разные голоса, согласно своей птичьей породе. Императорский же трон был построен столь искусно, что одно мгновение казался низким, в следующее – повыше, а вслед за тем – возвышенным; [трон этот] как будто охраняли огромной величины львы, не знаю из бронзы или из дерева, но покрытые золотом; они били хвостами о землю и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание» [«Антаподосис» («Воздаяние»), книга 6, V]¹⁵. Трон византийских императоров был подобием трона царя Соломона, описание которого содержится в Библии. Кстати, оформление некоторых русских тронов также отсылало к этому библейскому образцу. Немоевский, рассказывая о царском троне, прямо говорит: «В общем этот трон – подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии»¹⁶. К библейскому прототипу восходит, по-видимому, и оформление самого древнего из сохранившихся русских тронов – «резного костяного кресла», традиционно относимого ко времени Ивана Грозного¹⁷. Таким образом, имея аналогичные особенности внешнего оформления, троны русских и византийских государей различались по месту их расположения.

Троны западноевропейских монархов также имели центровое расположение – они занимали место в центре стены, как это видно на примере сохранившихся тронных залов Нового времени. С XVIII в. этот европейский образец утвердился и в имперской России. Угловое расположение трона известно, впрочем, в османской традиции. По словам русского посла Г. Нащокина (1592 г.) султан сидел «в угле, к дверем стороною», причём Л.А. Юзефович полагает, что османский двор в этом отношении унаследовал византийскую традицию (независимо от Москвы)¹⁸. Однако на самом деле в Византии расположение трона было иным. Трон османских султанов в зале приёмов дворца Топкапы находился в углу, но не справа от входящих, а слева. Объяснение такому расположению следует, вероятно, искать вне христианского контекста.

Топографически место расположения трона в Грановитой палате близко т.н. «красному углу» русского дома. Как известно, именно красный угол, называвшийся в народной традиции также почётным, старшим, святым, являлся наиболее семиотически значимой и почётной частью внутреннего пространства жилища. Он был сориентирован на восток или юг, и в свою очередь пространство дома было сориентировано по красному углу. В красному углу находились объекты, которым придавалась высшая культовая ценность, например, иконы (образа)¹⁹. Расположение трона именно в красном углу могло быть символически связано с сакральностью самой фигуры русского царя, который воспринимался как своего рода живая икона, святыня, через которую осуществлялась связь с Богом и транслировалась Божья благодать. Важно отметить, что в изобразительных и письменных источниках присутствует сопряжение царского престола и сидящего на нём государя с иконами. Так, на миниатюре, изображающей пир в Грановитой палате, из «Книги об избрании на царство Михаила Фёдоровича» (1672–1673 гг.) над местом, где сидит царь, с двух сторон расположены иконы Спасителя, Богородицы, Иоанна Предтечи и др. По описанию Немоевского, «над седалищем, где князь и сидел, на стене два образа Богородицы, унизанные мелким жемчугом»²⁰. По словам барона А. Мейерберга, «над головою царя висел образ Богородицы Девы»²¹. Таким образом, можно полагать, что угловое расположение царского трона объяснялось сакрализацией образа московского государя и, соответственно, помещением его в красном углу внутреннего пространства палаты.

Располагаясь на троне в «красном углу» Грановитой палаты, московский царь, следовательно, сидел на востоке. Аналогичная, «восточная» ориентация присутствует и в западноевропейской традиции. Например, в тракайском замке Витовта трон стоял у окна с видом на озеро, у восточной стены. Очевидно, что ориентация на восток была одним из

архетипов презентации монаршей власти в разных культурах, хотя и не универсальным. Характерна она прежде всего для христианской культуры, что, по всей видимости, связано с сопряжением трона и алтаря, чему посвящена недавняя работа М.А. Бойцова²². Если усаживаемое на алтарь духовное лицо (или государь) в Западной Европе символически объединялось таким образом с Христом, то расположение трона на востоке также отвечало этой идее²³. Разумеется, и восприятие московского царя в качестве живой иконы аналогичным образом определяло восточное размещение тронного места. Тем не менее, существовали и иные ориентации (даже в рамках западноевропейской традиции). Так, троны короля-Солнце Людовика XIV в Версальском дворце находились у южных стен. Северную ориентацию демонстрируют восточные культуры. У монголов в шатре правителя вход находился на юге, а хан, следовательно, сидел спиной к северу²⁴. Таким же расположение трона было и в китайском императорском дворцовом комплексе Гугун, построенном во времена династии Мин.

Входившие в Грановитую палату лица сразу не видели царя, фигуру которого скрывал центральный столп. Чтобы пройти к государю, они должны были сначала идти направо, т.е. на юг, а затем повернуть налево и идти на восток, как бы обходя столп. Таким образом, внутри палаты они двигались справа налево, т.е. против часовой стрелки. Это движение было противоположно движению солнца (или движению посолонь в русской церковной лексике) и представляло собой движение против солнца. Именно такое движение было принято в Русской Православной церкви при круговом движении во время богослужения: при обхождении купели, аналоя, храма. Но принято оно было после церковной реформы патриарха Никона и опиралось на греческие церковные образцы. Полемика старообрядцев с никонианами, как и семиотика обоих типов движения в церковных обрядах в целом, подробно исследованы Б.А. Успенским²⁵. В то же время движение против солнца было одновременно и движением по направлению к солнцу, навстречу солнцу.

Здесь важно отметить, что ассоциация русского царя с солнцем была общим местом культуры того времени. Безусловно, она восходит к очень древним архетипам. Соотнесение правителя с солнцем прослеживается на материале Древнего Египта (культ Ра, религиозная деятельность Эхнатона), Ближнего (например, в Вавилоне и у хеттов²⁶) и Дальнего (богиня солнца Аматэрасу в Японии – прародительница императорской династии) Востока; Индии (первый царь Ману – сын солнца); Античности (например, в эпоху Эллинизма и в императорском Риме²⁷); Византии; доколумбовой Америки (правители инков считались потомками солнца) и многих других культур²⁸. С солнцем сопоставляли и русских князей (Владимир «Красно Солнышко» в былинах, сопоставление с солнцами русских князей в «Слове о полку Игореве»²⁹, «Наше солнце зашло» – слова митрополита Кирилла о кончине Александра Невского и т.д.³⁰). Московских государей сравнивали с солнцем и церковные деятели и иерархи, как например, антиохийский патриарх Иоаким, обращавшийся к Фёдору Ивановичу в 1586 г.: «Солнце же наше в нынешние дни – Ваша Царская милость; и кто видит Царское лицо, возрадуется и прославит Бога, давшего тебя в утверждение просвещения восточной церкви Христовой, как солнце светящее над всеми звездами»³¹; Иосиф Волоцкий в послании к Василию III; афонские монахи по отношению к Ивану IV («солнце христианское»); патриарх Никон – к Алексею Михайловичу («великое солнце сияющее» и т.д.) (в этой связи существенен эпитет «светлый» (в титулатуре по отношению к Лжедмитрию I даже «пресветлейший»³²), применявшийся к царю и соотносящийся с понятием «белый царь»)³³. И иностранные послы, как уже упоминавшийся Таннер, или англичанин Карлейль, который в 1664 г. сравнивал царя на троне «с солнцем, которое высилось как бы в своей триумфальной колеснице»³⁴. Образ «царя-солнца» утвердился и в русской поэзии (по крайней мере, с 1656 г.³⁵), как например, в стихах Симеона Полоцкого³⁶, Лазаря Барановича (1674 г.) и других авторов. Такое отождествление присутствует в русской культуре и позднее, в XVIII–XIX вв.³⁷

Поскольку с солнцем соотносился и образ самого Христа (свет – образ Бога), то сопоставление царя с солнцем также несло и христологическую семантику. Царь представлял собой как бы «живой образ» Бога на земле. Он уподоблялся Христу – «Солнцу праведному» (именно так назван в одном из источников Лжедмитрий I)³⁸. В ту же схему «укладывается» и царское облачение, которое, по сохранившимся вещам и многочисленным письменным свидетельствам, было золотым³⁹. Золото являлось значимым элементом в оформлении и царских тронов. Следовательно, движение к солнцу, к Христу было одновременно движением к государю, и наоборот. Движение входящих к трону в кремлёвской Золотой палате оказывалось аналогично движению в Грановитой палате, т.е. также шло навстречу солнцу.

Шедшие на приём в Грановитую палату лица должны были подниматься на верхнее, Красное крыльцо от Соборной площади по двум лестницам (третья лестница, непосредственно примыкавшая к Грановитой палате и также именованная Красным крыльцом, использовалась для царских выходов). Хорошо известно, что послы христианских государей поднимались по лестнице, примыкавшей к паперти Благовещенского собора, а послы нехристианских государей по центральной лестнице и, тем самым, их путь был короче (следовательно, в сакральном пространстве верховной русской власти они находились меньше время). Датчанин, бывший в Московии при принце Вольдемаре в середине 1640-х гг., сообщает: «... их отвели к Его Царскому Величеству по лестнице влево, к Великокняжеским покоям, по которой обыкновенно водят послов христианских держав, в обход справа налево, а потом по другой лестнице опять направо, для более продолжительной и торжественной пышности. Но есть ещё две другие лестницы, из которых самая средняя, для язычников и турок, имеет только девять ступеней, чтобы показать им, собакам, кратчайший путь в переднюю комнату, когда их приводят к представлению»⁴⁰. Сходным образом описывает ситуацию и Адам Олеарий: «Нас повели налево через сводчатый проход и в нём мимо очень красивой церкви (это говорят, собор) в залу аудиенции, находящуюся направо на верхней площади. Нас потому должны были провести мимо их церкви, что мы христиане. Турок, татар и персов ведут не по этой дороге, но сразу же через середину площади и вверх по широкому крыльцу»⁴¹. Конечно, сложно себе представить, чтобы средняя лестница имела только девять ступеней, хотя на миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Фёдоровича» их изображено именно девять. Возможно, имелся в виду лишь один из пролётов. Л.А. Юзефович предполагает связь числа ступеней с монгольско-тюркской числовой символикой⁴². Полагаю, что в качестве аналогии здесь может выступать обычай девятикратного преклонения колен подданными в ходе церемонии интронизации нового монгольского хана (ср. другие проявления символики числа девять: девять хвостов знамени Чингис-хана; девять войлочных чепраков, составлявших походный трон Батыя)⁴³.

На самом крыльце (т.е. верхней площадке) приходящие поворачивали направо и шли на север, входили в Святые сени и проходили их почти насквозь до входа в собственно палату. Следовательно, приближаясь к Грановитой палате, они двигались слева направо, т.е. посолонь, как бы вместе с солнцем. А во внутреннем пространстве палаты совершали круговое движение в противоположном направлении. Внешнее и внутреннее пространства, таким образом, разделялись не только собственно стенами палаты, но и различным характером движения к ней и внутри неё.

Именно тронное место, как уже отмечалось в историографии, было точкой отсчёта и для композиционной программы росписей Грановитой палаты⁴⁴, и для расположения мест присутствовавших на официальных церемониях лиц. Сохранившиеся росписи восходят к композициям, созданным в конце XVI в. Существенно, что тронное место справа и слева сопровождали изображения русских государей в своего рода хронологической последовательности. Изображение более раннего по времени жизни – Владимира Святого – находилось по правую руку от сидевшего на троне монарха, а царя Фёдора Ивановича – по левую. Красный угол палаты был точкой «стяжения» и трёх портретных рядов великих

и удельных князей. Их изображения расположены в откосах оконных проёмов вдоль трёх стен палаты. Общее число представленных в росписях князей – 24, что также, вероятно, имеет определённое символическое значение. Первый ряд, великих князей – от Ярослава Мудрого до Ивана Калиты, шёл вдоль восточной стены к красному углу, с севера на юг. Второй ряд, великих князей – от Дмитрия Донского до Ивана Грозного – вдоль южной стены, опять-таки по направлению к красному углу, с запада на восток. Наконец, третий ряд, святых удельных князей – от Петра Муромского до Михаила Черниговского – вдоль северной стены, с запада на восток, точнее к северо-восточному углу палаты. Итак, портретные росписи вдоль южной и северной стен сориентированы на восток, а роспись вдоль восточной стены – на юг. По семиотической иерархии в отношении портретных рядов князей естественным образом восточная и затем южная стороны оказывались значимее северной. Интересно, что это расположение в самых общих чертах примерно соответствует и топографии великокняжеского и царского некрополя в Архангельском соборе. Великие князья похоронены в соборе вдоль южной стены, первоначально в направлении *от* востока, а затем *к* востоку; а удельные – вдоль западной и северной стен. Юго-восточный угол внутреннего пространства храма, как показали исследования А.Г. Мельника, в XVI – XVII вв. являлся преобладающим местом для размещения гробниц святых, при этом «наиболее характерным таким местом являлось неширокое пространство между южным входом в церковь и иконостасом»⁴⁵. В юго-восточном углу храма находилось и царское место в Успенском соборе Кремля, т.е. Мономахов трон, расположение которого относительно иконостаса рассмотрено, в частности, в специальной работе Майкла Флайера⁴⁶ (при этом, разумеется, царь был обращён лицом к иконостасу, но располагался в том же секторе пространства, что и сидя на троне)⁴⁷.

На официальных церемониях в Грановитой палате тронное место служило также и точкой отсчёта для размещения царского окружения. Так, на изображающей пир миниатюре из «Книги об избрании на престол Михаила Фёдоровича» справа от царского стола (со стороны смотрящего) или по левую руку от царя изображён стол духовенства во главе с митрополитом. На картине же из Будапештского музея, изображающей приём в Кремле польского посольства Лжедмитрием I в мае 1606 г., духовенство во главе с патриархом, наоборот, занимает место по правую руку от царя (эта картина восходит, очевидно, к современным польским описаниям посольства)⁴⁸. «Правая лавка» считалась самой почётной⁴⁹ и очевидно, что иерархия мест выстраивалась по отношению к царскому месту, а не по отношению к смотрящему на него. Между тем, в текстах, связанных с приёмом царём Алексеем Михайловичем восточных православных патриархов в 1666 г., при описании мест справа и слева от царского трона это описание соотносено с точкой зрения наблюдателя, а не с точкой зрения наблюдаемого, в чём Б.А. Успенский усматривает признаки последовательного использования одной, внешней по отношению к описываемому объекту, точки зрения, получившей распространение после никоновских реформ⁵⁰.

Расположение трона в Грановитой палате следующим образом вписывалось в пространство Соборной площади Кремля: справа от царя находился Успенский собор и митрополичьи (затем патриаршьи) палаты; слева – Архангельский собор (с могилами предков), «придворный» Благовещенский собор и здание приказов. Таким образом, духовная власть оказывалась расположенной по правую сторону от государя, а светская – по левую, что также соответствует семиотической иерархии *правого* и *левого* в русской и шире, христианской, культуре⁵¹. Лицом же царь был обращён к комплексу дворцовых построек.

Существенно также, что в Грановитой палате, равно как и во время приёма в Александровской слободе и других подобных случаях, трон располагался *рядом* с окном или даже *между* двумя окнами. Тем самым послы двигались не просто символически навстречу солнцу, но и реально навстречу свету, который как бы исходил со стороны царя. Такое освещение опять-таки соотносилось с образом царя-солнца. Важно отметить,

что «красный угол», в котором располагался трон, в пространстве жилища «указывал на полдень, на свет, на восток, на красную (или божью) сторону»⁵². Царские же аудиенции, как правило, происходили в первую половину дня, между заутренней и обедней⁵³, т.е. в то время, когда солнце светило в окна и таким образом как бы физически сопрягалось с царём. Поскольку в Грановитой палате имелись окна в северной и южной, боковых стенах, то тронное место с восседающим на нём государем освещалось вполне достаточно, а золотые царские одежды и свет из окон, окружавший фигуру царя, создавали яркое, солнечное впечатление. Восхождением к солнцу было и движение вверх: по лестницам, поднимавшимся на Красное крыльцо, к тронным палатам.

Сам царский трон находился также на некотором возвышении. Число ступеней трона указывается в источниках по-разному. Чаще всего упоминаются три ступени (К. Адамс, 1553–1554 гг.; С. Гейс, 1593 г.; С. Немоевский, 1606 г.; Г. Паэрле; Дневник Марины Мнишек; А. Олеарий, 1634 г.; А. Мейерберг, 1661 г.), но есть упоминания о четырёх (А. Гюльденстиерне, 1602 г.; Г. Тектандер, 1602 г.; С. Немоевский, 1606 г.; возможно, четвёртая ступень была возвышением перед тронном, на котором могли стоять придворные или находиться места для царевичей и т.п.⁵⁴). На миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Фёдоровича», изображающей пир в Грановитой палате, царский стол стоит на возвышении из трёх ступеней. Сохранившийся двойной трон царей Иоанна и Петра Алексеевичей также имеет три ступени. Напомню, что библейский трон царя Соломона имел шесть ступеней. Число три имело, конечно, сакральный характер и было связано с христианской символикой. Расположение трона у окна/окон перестало быть актуальным в XVIII в., когда под европейским влиянием утвердилось иное расположение – в центре стены, обычно имевшей не окна, а двери.

Царское кресло имелось и в Теремном дворце (1635–1636 гг.), фасад которого обращён на юг – к Москве-реке. Вход во дворец располагался с востока, однако, для того, чтобы пройти во дворец, сначала необходимо было подняться по лестнице Постельного крыльца на Верхоспасскую площадку, а затем повернуть налево к лестнице Золотого крыльца уже собственно дворца, имевшей два пролёта, между которыми вновь располагался поворот налево. Таким образом и здесь происходило движение против часовой стрелки, т.е. противоположное движению посолонь. Однако, само царское место в Престольной палате Теремного дворца (третьем помещении от входа) находилось, как можно думать, у западной стены, вернее, у окна юго-западного угла комнаты⁵⁵. Расположение царского места в Теремном дворце на западе, а не на востоке, было противоположно его расположению в других палатах, что, вероятно, можно объяснить характером самих дворцовых помещений – более официальные из них, церемонии «первого порядка» ориентированы в этом контексте на одну сторону света, а более приватные, связанные с личными покоями монархов – на противоположную. В дальнейшем, на протяжении XVIII в. расположение царских мест уже в новой столице России также обнаруживает эту двойственность, хотя ориентации на восток отдаётся предпочтение.

Тронная комната существовала и в загородном царском дворце в Коломенском, построенном при царе Алексее Михайловиче в 1667 г. Трон находился здесь в левом углу, у окна, на дощатом рундуке с одной ступенью, а за этой комнатой находился царский кабинет, где также имелся рундук с двумя ступенями для царского места в левом углу противоположной от входа стены⁵⁶. Иными словами, внутри комнат царское место располагалось примерно также, как и в Теремном дворце. В Коломенском дворце это был юго-восточный угол комнат, т.е. в принципе тот же красный, однако, спиной царь сидел к югу, а не к востоку. Входящие во дворец должны были сначала подняться по лестнице, имевшей два пролёта, на второй этаж, двигаясь при этом слева направо, т.е. посолонь, а затем совершали движение в противоположном направлении, справа налево, проходя в царские комнаты. Таким образом, в Коломенском дворце относительно движения наблюдается та же картина, что и в Грановитой палате Кремля. Движение во внутреннем

пространстве палат и вне их носит противоположный характер, при этом для внутреннего пространства характерно движение против солнца.

В заключение, можно вспомнить о дворцовом строительстве в Кремле XIX века. При сооружении Большого Кремлёвского дворца Константином Андреевичем Тоном тронное место в Андреевском зале заняло центральное положение, причём именно у западной, глухой стены. Новые традиции для архитектора оказались более значимыми, чем следование более древним русским образцам⁵⁷.

---

¹ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. Пер. с лат., примечания и приложения И. Ивакина. М., 1891. С. 51–52.

² Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведётся...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 97.

³ Подъяпольский С.С. Московский Кремлёвский дворец в XVI в. по данным письменных источников // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 106.

⁴ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским // Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1898. Кн. 4. С. 33.

⁵ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 416.

⁶ Каргер М.К. Новгородское зодчество // История русского искусства. Т. 2. М., 1954. С. 69.

⁷ Путешествие... С. 96.

⁸ Ильин М.А., Максимов П.Н., Косточкин В.В. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 284.

⁹ Подъяпольский С.С. Указ. соч. С. 107; Подъяпольский С.С., Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В., Яковлев Д.Е. Новые данные о Кремлёвском дворце рубежа XV–XVI вв. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 51–52.

¹⁰ Иностранцы о древней Москве / Сост. М.М. Сухман. М., 1991. С. 30.

¹¹ Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского кремля // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 178–186.

¹² Подробнее см.: Подъяпольский С.С. Указ. соч. С. 110–115.

¹³ Цит. по: Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁴ Иностранцы о древней Москве. С. 208–209. По всей видимости, речь идёт о «персическом престоле», подаренном Борису Годунову шахом Аббасом в 1604 г.

¹⁵ Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчёт о посольстве в Константинополь / Изд. подготовил И.В. Дьяконов. М., 2006. С. 106, 108.

¹⁶ Иностранцы о древней Москве. С. 208.

¹⁷ «И сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его чистым золотом; К престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники...» (III Царств, X, 18–19). Выделенные в тексте особенности Соломонова трона (трон из кости, круглый верх спинки и локотники) сближают русский костяной трон с библейским описанием.

¹⁸ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁹ Подробнее см.: Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. С. 152–153, 176–187.

²⁰ Иностранцы о древней Москве. С. 207.

²¹ Утверждение династии: А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М., 1997. С. 85.

²² Бойцов М.А. Сидя на алтаре // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 190–262.

²³ В христианской традиции с востоком тесно связан сам Христос, а восток обладает особой благодатью (Подосинов А.В. Символы четырёх евангелистов. Их происхождение и значение. М., 2000. С. 143).

²⁴ Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды: Судьба и власть. М., 2006. С. 80–81.

²⁵ Успенский Б.А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006. Гл. 2.

²⁶ Иванов Вяч.Вс. К типологии древнеближневосточных гимнов солнцу // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3. М., 2004. С. 296–299. Хеттское самоназвание царя – «Моё солнечное божество».

²⁷ Ср. сопоставление Александра Македонского с египетским богом Амоном-Ра (выступавшим в образе быка; отсюда позднейший эпитет Александра – «двурогий»). Восточные традиции оказали влияние и на Рим. Так, близнецы, родившиеся у Антония и Клеопатры получили имена Александр Гелиос и Клеопатра Селена (Кравчук А. Закат Птолемея. М., 1973. С. 173); император Нерон изображался в виде Гелиоса (помимо других богов, см.: Неверов О.Я. Нерон-Юпитер и Нерон-Гелиос // Художественные изделия античных мастеров. Сборник статей / Государственный Эрмитаж. Л., 1982. С. 101–110); культ солнца под восточным влиянием оказался непосредственно сопряжённым с императорской властью, по крайней мере, начиная с эпохи Северов (что отразилось, в частности в нумизматике – см.: Абрамзон М.Г. Римский

императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993. С. 132–136). Следует учитывать существование в Древнем Риме и самостоятельного солнечного культа; в поздний императорский период, опять-таки не без влияния восточных культов – культа «Солнца Непобедимого» (Sol invictus), официально введённого в Риме в 274 г. н.э.

²⁸ Многочисленные примеры см.: *Иванов Вяч.Вс.* Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992. С. 461–462; *Брагинская Н.В.* Царь // Там же. С. 614–616.

²⁹ «Хотят прикрыти 4 солнца» (имеются в виду четыре князя – участники похода), «Солнце светится на небесе, Игорь князь въ Руской земли».

³⁰ Показательно, что княгиня Ольга в «Повести временных лет» сопоставляется в контексте её крещения с «сияющей луной в ночи» и «зарёй перед рассветом» (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 32, 169). Соотнесение князя с солнцем находит воплощение и в некоторых эмблематических образах древнерусской культуры (см.: *Гордиенко Э.А.* Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерусского города (К 60-летию В.Л. Янина). М., 1989. С. 235–239).

³¹ Цит. по: *Дьяконов М.А.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. С. 88.

³² Вероятно, по аналогии с титулом польского короля – «наияснейший» (см.: *Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 210 и др.*).

³³ См. многочисленные примеры: *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 50–54.

³⁴ Цит. по: *Бартнев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. М., 1916. С. 144. Ср. впечатление А. Мейерберга: «Если случится увидеть запряжённую многими белыми лошадьми карету царицы, подражающей Юпитеру или Солнцу, подумаешь, что видишь четверых Камиллов, справляющих свой триумф» (Утверждение династии. С. 155).

³⁵ *Богданов А.П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2005. С. 5.

³⁶ См., например: *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России: X–XX века. М., 1997. С. 239 (здесь же и примеры сравнения с солнцем всего Московского государства).

³⁷ Ср., к примеру, слова принца Ш. де Линя по поводу смерти Екатерины II – «Солнце, освещавшее наше полушарие, навеки сокрылось» (Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 150). Самые поздние трансформации, окрашенные семейными традициями любви к детям, можно усмотреть в домашних детских прозвищах императрицы Александры Фёдоровны – «Sunny», и цесаревича Алексея – «Солнечный луч».

³⁸ *Успенский Б.А.* Царь и Бог // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 119; *Успенский Б.А.* Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 152.

³⁹ О золоте в христианской культуре см.: *Аверинцев С.С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа / Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 43–52; в русском искусстве XVII в.: *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 238–240.

⁴⁰ Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии / Пер. А.Н. Шемякина // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 4, IV. С. 9 (вторая пагинация).

⁴¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 34.

⁴² *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 93.

⁴³ *Султанов Т.И.* Указ. соч. С. 72. Число девять в качестве символа высшей власти присутствует и в других восточных культурах, например, в Китае и Японии императорский дворец мог именоваться «чертогом Девятого неба» («Девятивратным чертогом») (Сто стихотворений ста поэтов / Предисловие, перевод, комментарии В.С. Сановича. СПб., 1994. С. 192–193).

⁴⁴ См., например: *Вьюева Н.А.* Грановитая палата. М., 2003. С. 28 и сл.

⁴⁵ *Мельник А.Г.* Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII века // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003. С. 537.

⁴⁶ *Флайер М.* «Мономахов трон» Ивана Грозного в пространстве перед иконостасом // Иконостас: Происхождение – Развитие – Символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 599–620.

⁴⁷ Мономахов трон расположен в юго-восточной части храма, подобно коронационному помосту (анавафре) византийских императоров в храме Св. Софии (о расположении анавафры см.: *Поляковская М.А.* К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXX. СПб., 2007. С. 261).

⁴⁸ Воспроизв. см.: Родина. № 11, 2005. С. 24–25.

⁴⁹ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 133.

⁵⁰ *Успенский Б.А.* Крест и круг. С. 201–202.

⁵¹ Ср.: *Кудрявцев М.П.* Москва – Третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М., 1994.

---

⁵² Байбурин А.К. Указ. соч. С. 152.

⁵³ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 99 («В яркие солнечные дни этот свет бил в лицо послам, а царский престол оставался как бы немного в тени»). Ср. впечатление А. Мейерберга – «Сам царь сидел на серебряном позолоченном престоле, поставленном не посередине, а в левом углу покоя, между двумя окнами, и казался в тени» (Утверждение династии. С. 85) и Б. Таннера, приведённое в начале статьи.

⁵⁴ А. Мейерберг прямо пишет, что престол «под тремя своими ступенями имел подножием рундук, приходившийся вровень с лавками думных бояр» (Утверждение династии. С. 85).

⁵⁵ «Во втором покое его помещения, довольно обширного и с каменным сводом, освещённого восковыми свечами и везде обитого богато вытканными бельгийскими и персидскими обоями, на очень высоком престоле, поставленном, *по обыкновению, в углу, у окна*, восседал сам царь в нарядной шапочке...» (А. Мейерберг – Утверждение династии. С. 167, курсив мой – Е.П.; Мейерберг, по всей видимости, ошибается, называя палату, где стоял трон, «вторым» покоем).

⁵⁶ Суздалев В.Е. Русское чудо. Царский дворец в Коломенском – шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М., 2005. С. 63, 70.

⁵⁷ Судя по фотографиям второй половины XIX в., этот трон имел 7 ступеней. В современной «реконструкции» зала три трона стоят на возвышении в шесть ступеней.